

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МАССОВОГО ГЕРОИЗМА РУССКИХ ВОЙСК В ХОДЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

Во второй четверти XIX в. во внешней политике России на ведущее место вышел так называемый Восточный вопрос. Силы некогда могущественной Оттоманской империи начали к этому времени ослабевать. В 1830-х – 1840-х гг. в Турции обострились межнациональные противоречия, их характерной чертой выступали религиозные конфликты. Руководство России рассматривало национально-освободительное движение подвластных Турции православных народов как инструмент усиления своего влияния на Востоке и оказывало их движению поддержку. Однако расстановка сил в Европе складывалась явно не в пользу России, в ее усилении не были заинтересованы правящие круги Англии и Франции. В середине 50-х гг. XIX в. попытка русского императора Николая I вмешаться во внутренние дела Турции послужила поводом для длительного вооруженного конфликта с участием ведущих западноевропейских государств.

Крымская война 1853–1856 гг. стала наиболее серьезным военным поражением России на протяжении XIX в. Подписав, по окончании войны, условия Парижского мира, Россия на время утратила былое влияние в Европе.

В ходе войны русские войска, по общему признанию современников, проявили высокий уровень морально-боевых качеств. «Я не могу допустить мысли, чтобы русский солдат уступил кому бы то ни было в храбрости, я не могу поверить, чтобы русский солдат дрался дурно, когда им хорошо командуют»¹, — отмечал в своих воспоминаниях участник обороны Севастополя капитан-лейтенант А.Д.Сатин. Другой участник обороны изложил свои впечатления так: «Мне недостает слов, чтоб описать все примеры самоотвержения наших саперов, это первые люди в мире... Здесь нельзя сказать — этот храбрее того — все одинаково храбры, готовы на все, готовы умереть на месте, но наказывать неприятеля за каждый шаг, на который он подается вперед, оттого так трудно французам, что каждый их шаг вперед должен быть облит их кровью»². «Дух войск наших превосходный. В Севастополе русский солдат просто перерождается, делается необыкновенно ловким и смелым»³, — отмечается в записках генерала П.Н.Глебова. Таким образом, именно героизм, мужество, стойкость защитников Севастополя позволили им в течение года оказывать сопротивление войскам союзников по антирусской коалиции, несмотря на то, что против России выступили ведущие государства Западной Европы, передовые как в военном, так и в социально-экономическом отношении.

Под героизмом военнослужащего, как правило, понимается совершение подвига, т.е. особенных, выдающихся действий, в целях победы над противником, в обстановке, представляющей серьезную опасность для жизни. Как правило, героизм на войне имеет патриотическую основу, приоритетным мотивом подвига является необходимость защиты Родины. Однако

необходимо отметить, что данное понимание природы героизма складывается тогда, когда среди ценностных установок, принятых в обществе, национальные интересы выходят на одно из центральных мест. Как известно, ценностные ориентиры общества меняются параллельно со сменой исторических эпох. Это дает возможность предположить, что в разные периоды героизм на войне имел различную основу, не всегда патриотическую. В рамках предлагаемой работы автор преследует цель проанализировать мировоззрение солдат и командиров русской армии, выделить причины массового героизма и попытаться определить, в какой мере героизм русских войск имел под собой патриотическую основу.

Основными источниками в исследованиях по названной теме являются источники личного происхождения. Авторы мемуарных произведений, посвященных событиям войны, нередко сообщают читателям о массовом героизме солдат и офицеров, приводят конкретные примеры мужества и стойкости, свидетелями которых они были. Кроме того, воспоминания, письма, дневники участников военных действий заключают в себе сведения, которые дают возможность определить, в чем заключались представления солдат и офицеров об Отечестве, о государстве, об армии, о собственной роли в военных событиях, о противнике. Анализ названных компонентов мировоззрения нижних чинов и командиров позволяет выделить наиболее характерные черты героизма русских войск в Крымской войне.

Одним из стержней комплекса ценностных ориентаций русского солдата было православие. В середине XIX в. в русской армии православие культивировалось на официальном уровне, что было вызвано необходимостью регулярного выполнения обрядов. Религиозное сознание на войне проявлялось в наибольшей мере: в бою, в минуту опасности человек обращался за помощью именно к богу. Военные успехи участники боевых действий объясняли промыслом божьим, а неудачи — «гневом господним». «Видно мы прогневили бога, что наше дело 4-го августа не удалось, — отмечает в письме П.И.Лесли. — Всякий солдат шел вперед, как сумасшедший, и готов был положить свою жизнь, чтоб уже одним разом покончить с Севастополем; но к несчастью, после того нам пришлось еще многое испытать, и потерять отличных офицеров и солдат вследствие бомбардировок, которые постоянно поддерживаются»⁴. «Между прочим, вчера говорили о том, как воодушевлять нашего солдата в деле, — отмечает в своих записках другой участник обороны генерал П.Н.Глебов. — При этом Ростовцев рассказывал, что он два раза водил батальон в штыки, и оба раза солдаты заминались; когда же он крикнул им, чтобы они сняли шапки и перекрестились, и сам при этом перекрестился, то откуда взялась после этого у солдата удаль: так бойко пошли, что он сам едва успевал идти вперед них»⁵. Автор «Записок севастопольца...» отмечает: «Я, бывало, часто беседуя со своими подчиненными, веду разговор о том, как должна выполняться данная присяга, как защищать отечество, что надо не унывать, не падать духом, и что убитые на войне от руки неприятеля воины получают царствие небесное»⁶.

Таким образом, православная вера занимала довольно прочное место в сознании русского солдата. Она служила укреплению уверенности в собственных силах, отчасти помогала преодолеть проявление инстинктов самосохранения, служила критерием, который позволял солдатам отличить своих от неприятелей.

В системе мировоззрения русских солдат следует подчеркнуть веру в царя. В целом солдатам было свойственно экстраполировать предписываемые церковью взаимоотношения между богом и человеком на отношения на систему верховная власть — подданные, их монархизм являлся политически нейтральным, государь выступал некоей абстракцией, почти символом, существовавшим практически автономно по отношению к реально действующему государству и его аппарату. Государь являлся символом справедливости, верховным, после бога, символом сущего. Он был гарантом стабильности и порядка в картине мира, являлся образцом высшей справедливости и законности. Не случайно кончина Николая I вызвала среди солдат в Севастополе неутешимую скорбь, поскольку была воспринята как потрясение мира. Передавая свои впечатления от пережитого в момент смерти императора Николая I, участник обороны Севастополя Е.Р.Корженевский отмечал, что надо просто это пережить, чтобы понять, как любит солдат своего монарха⁷. «20 февраля, — отмечает в своих воспоминаниях другой офицер, сначала с неприятельских аванпостов, а потом и официальным путем, мы получили горестное известие о потере возлюбленного императора. Известие это страшно нас поразило. Тотчас полк был собран к присяге новому императору. Положительно весь полк плакал. Думалось нам: что будет с нами, не падет ли армия духом, какой ход примет кампания»⁸.

Подобное отношение встречалось не только к государю, но и ко всему, что было связано с его именем, жизнью и деятельностью. Например, в письме к родным обязательно упоминалось, что великие князья посетили Севастополь и с большим вниманием отнеслись к раненым⁹. При встрече с великими князьями, как свидетельствует в своем дневнике участник севастопольской обороны офицер А.Розин, уставшие солдаты ободрились и были рады выполнить их приказания, в том числе вернуться в бой¹⁰.

Монархизм русских солдат не являлся результатом осмысления национальных интересов России и критической оценки действий монарха. Сомнение в справедливости монархических установок у солдат периода Крымской войны возникнуть не могло. В силу понятных обстоятельств русские солдаты не обладали адекватной информацией о положении дел за рубежом, о политических, социальных альтернативах, а, кроме того, казарменная дисциплина, безусловно, не стимулировала в них стремление критически осмыслить существующие отношения между верховной властью и подданными.

Для того чтобы охарактеризовать представление русских солдат об Отечестве, следует отметить, что вторая четверть XIX в. была периодом, в течение которого военно-политический авторитет страны в мире стоял

как никогда высоко. Незадолго перед тем русские войска с боями прошли путь от Москвы до Парижа и нанесли поражение величайшему из полководцев Нового времени. Представление о незыблемой военно-политической мощи России во второй четверти XIX в. приобрело характер прочного стереотипа. Характерный пример встречается в воспоминаниях ветерана Крымской войны офицера А.Гана. В марте 1856 г., получив известие о заключении Парижского мира, автор источника, к большому удивлению, долго не мог убедить подчиненных прекратить огонь по противнику. Солдаты сочли известие о мире ложным — враг еще не разбит. Особенно трудно было убедить одного заслуженного унтер-офицера: «не так было в двенадцатом году, пусть только покажутся французы, вот мы их!..» С большим трудом командиру удалось убедить солдат прекратить стрелять¹¹.

Таким образом, служба русских солдат на протяжении второй четверти XIX в. проходила в условиях, когда высокий уровень боеготовности русской армии не было принято подвергать ни сомнению, ни критическому переосмыслению, когда по выражению А.И.Герцена «...патриотизм превратился в что-то кнутовое, полицейское, особенно в Петербурге»¹². Если учесть, что методика обучения солдат русской армии в отмеченный период соответствовала традициям палочной дисциплины, можно предположить, что отмеченные черты приобретали характер устойчивых стереотипов. В представлениях солдат о своем Отечестве доминировала идея несокрушимости военной мощи страны. Ф.И.Стулли, современник событий Крымской войны в своих воспоминаниях отмечал: «Война 1853–1856 годов, как известно, была непопулярна, причины ее никто не понимал, цели в ней не видел. В могущество и непобедимость России народ верил безусловно, но верил с тупым равнодушием... которое объясняется только глубоким политическим невежеством русского общества того времени...»¹³

Приступая к анализу мировоззрения офицеров, необходимо отметить, что их воспоминания, помимо личных впечатлений, нередко включают в себе размышления об исторических судьбах России и ее армии, о целях и задачах войны, о собственной роли в событиях. Эти материалы позволяют проанализировать основные компоненты мировоззрения офицеров.

Русский офицер, несомненно, являлся православным. Как указывает в одном из писем морской офицер П.И.Лесли, во время штурма 6 июня «бог был за нас» и мы, одержав победу, «с благодарностью отслужили молебен»¹⁴. При изучении мемуарных произведений русских офицеров, не встречаются попытки соотнести религиозную картину мира с окружающей действительностью, поэтому можно сделать вывод об идентичном характере веры русских солдат и офицеров. Вера офицера в той же мере служила задаче подавления инстинкта самосохранения, поддержания на высоте собственных моральных сил. В.Зубарев, например, отмечает: «На каждом бастионе, где-нибудь в углу, помещались образа, и перед ними день и ночь горело множество свечей. Картина эта, особен-

но ночью, во время страшной трескотни... вздохов изувеченных страдалцев, как-то особенно действовала успокоительно»¹⁵.

Представление о государе у русского офицера середины XIX в. было тесно связано с представлением об Отечестве. Офицер Ф.И.Абакумов в своих воспоминаниях отмечал, что самые приятные впечатления из эпохи войны остались о высочайшей благодарности, предназначенной ему лично¹⁶. Перед офицером Крымской войны не стоял вопрос о целесообразности монархии в России, он не считал нужным подвергать действия государя критической оценке. В письме от 14 октября 1854 г. генерал К.Р.Семякин отмечал: «Генерал Липранди, прискакав, обнял, поцеловал меня и объявил, что Георгий 3-й степени мне принадлежит, в полдень приехал светлейший¹⁷, протянул мне руку и сказал: «поздравляю, вы потешите Государя... Дай-то боже, чтобы сердце царя возвеселилось»¹⁸. Судя по воспоминаниям Г.Чаплинского, «между офицерами ходило мнение, что главным штабом армии реляции составляются в более выгодном свете с целью не огорчить государя. Но убедиться в необходимости этого офицеры не могли; им казалось, что кому же и знать истинное положение дел в армии, как не государю и России. Только при полном знании своего положения можно принять и соответствующие меры. Ясно, что офицеры не могли признать необходимости, чтобы реляции были несправедливы, как это иногда у нас и случалось; они видели в этом только цель штаба прикрыть свою нераспорядительность...»¹⁹ Император, с точки зрения офицера, являл собой идеал справедливости и порядка.

Для того, чтобы охарактеризовать представления русского офицера середины XIX в. об Отечестве следует обратиться к их размышлениям об исторических судьбах России, той роли, которую в России играет армия, о собственной роли в происходящих событиях, судьбоносных для страны. Такие размышления, как уже отмечалось, нередки в мемуарных произведениях.

Первое, на что здесь следует обратить внимание, в описаниях событий войны офицеры часто включали критические замечания о казнокрадстве, взяточничестве, карьеризме и прочих негативных явлениях. Например, в воспоминаниях офицера, не называющего своего имени на страницах печати по цензурным соображениям, подробно рассказывается об интендантах, которые требовали от офицеров, получающих деньги для своей части, определенные проценты (от 8 до 3) и о том, как автор обманул одного из них. Проценты, как указывает автор, требовали открыто, и это носило массовый характер²⁰. Должности при госпиталях давали возможность поживиться, отмечает другой офицер, об этом говорили открыто²¹.

Еще более вопиющие примеры можно встретить в тех мемуарных произведениях, авторы которых, не будучи профессиональными военными, волею судьбы принимали участие в событиях Крымской войны. Так, множество сообщений на тему злоупотреблений встречается в воспоминаниях врачей. В своих воспоминаниях о Крымской войне один из врачей действующей армии отмечал, что «не воровавших» называли «дураками»²². «Моя душа скорбела от всеобщего воровства» — продол-

жает далее автор, видимо «многие юноши имели такие же понятия», но постепенно скатывались до общего уровня²³. Далее автор отмечает, что инспектор госпиталей в Симферополе генерал Остроградский по своей неутомимой деятельности и неподкупности был феноменальным на фоне общего упадка честности. Его заместитель отдавал доходные места тем, кто больше за это платил²⁴.

На первый взгляд, Россия виделась русским офицерам царством взяточников и казнокрадов. Сообщения на эту тему являются массовыми, практически каждый военный служащий-офицер, опубликовавший свои воспоминания и размышления о Крымской войне, счел своим долгом привести ряд соответствующих примеров. Следует, однако, учесть, что задачу написания мемуаров взялась выполнить лучшая часть командиров, именно те из них, кто был глубоко неудовлетворен сложившимся положением дел. Причем приведенные примеры должны были послужить улучшению дел в армии, вскрыть недостатки, которые требовали исправления. Иными словами, в офицерских мемуарах можно проследить предложения к программе военных реформ.

В годы Крымской войны, как отмечает в своих воспоминаниях офицер В.Бейтнер, во главе армии были люди слишком близорукие, которые ничего не читали, исключая приказов по военному ведомству и столбцов «о производстве» в «Русском инвалиде»²⁵. «Опыт и уроки не всем идут в прок; чины, звания и лета не прибавляют никому ума, — указывает другой участник севастопольской обороны. — Наша судьба зависит от дряхлых стариков! Почему это? Во-первых, у нас нет гласности, вследствие чего ни публика, ни даже высшее правительство ничего не знают, или узнают только то, что угодно огласить главнокомандующему, до тех пор, когда уже помощь делается бесполезной и невозможной; во вторых — никто не смеет заявить своих мнений и соображений; ни министру, ни фельдмаршалу никогда и в голову не приходило, чтоб из 80 миллионов населения России нашелся кто-нибудь умнее их; в третьих, не редко недостаток честности: можно рассчитывать, что война эта стоит государству втрое дороже, чем это могло быть при ином хозяйстве и других распорядителях и исполнителях»²⁶.

Ряд интересных размышлений можно встретить в записках генерала П.Н.Глебова. «...Теперь, например, — отмечает генерал, — все, что украшало солдата на смотрах: мундиры, каски, султаны, даже штаны, — все это бросили, потому, что все это оказалось неудобным, неловким, стесняющим в движениях, — и пустили его на поле брани в одних подштанниках, да в безобразной шинели. От этого полки наши походят более на толпу мужиков, чем на благоустроенное и дисциплинированное войско»²⁷.

«Нуждаемся мы в солдатах, — продолжает генерал Глебов, — нам шлют мужиков вместо ратников; нам нужны опытные и сведущие генералы — нам присылают Бен-фа, Ст-рга, Рж-аго, которые никогда и пороку не нюхали, а при том, один из них, Ст-рг, едва ли говорит и по-русски; вместо штуцеров — заменяют ружья кремневые — ударными; за неимением мортир, — вместо навесных, стреляют выстрелами прицельными, да еще из коротких

каронад, которые давно пора бы было потопить в морской пучине; офицеров заменяют унтер-офицерами и юношами — юнкерами; словом, везде и во всем полумеры, ни к чему не ведущие и ничего доброго не обещающие. По-моему, нужно начинать реформу с головы армии»²⁸.

«Как подумаешь, так война не совсем для нас бесполезна: благодаря ей мы заводимся телеграфами, предполагаем устроить железные дороги, заводим штуцера, а главное — наделаем много пороха, которого, к удивлению, у нас не стало к самому открытию кампании... много уроков дает нам эта война»²⁹.

Таким образом, офицерам, авторам мемуарных произведений, было свойственно собственное понимание основных направлений военных реформ, которые следовало предпринять в стране по окончании Крымской войны. Важным направлением реформ должно было стать искоренение коррупции, которая достигла огромных размеров. Не менее существенным следует считать вопрос о создании резервных запасов пороха и о строительстве железных дорог для доставки всего необходимого на передовые позиции.

Нетрудно заметить, что высказанные предложения ведут, по существу, к реформам консервативного типа. С точки зрения офицеров, участников Крымской войны, для России было крайне необходимо наведение порядка в существующей системе, а не коренная структурная перестройка системы. Таким образом, сугубо негативное мнение о России в сознании русских офицеров существовало параллельно с идеальным образом Отечества. Им не было свойственно задаваться вопросом, следует или не следует отстаивать Отечество, жертвовать при этом жизнью. Позитивный образ России в мировоззрении офицера явно превалировал над конкретными недостатками, которые заслуживали острой критики.

Во второй четверти XIX в. в русском обществе были широко распространены представления о России как о сильном в военнополитическом отношении государстве. Они основывались на победных традициях наполеоновских войн. В период правления императора Николая I патриотизм был частью официальной правительственной политики, осуществлявшейся в условиях подавления инакомыслия, неприятия политических и социальных альтернатив. Под патриотизмом понималась преданность государю. Представление о незыблемости военной мощи России в равной мере как в элитных кругах общества, так и среди податного населения приобрело характер постулата, не подлежащего сомнению. Это может служить свидетельством преобладания традиционного сознания, неспособности критического восприятия действительности, успокоения на достигнутом. Несмотря на зарождение в русском обществе в данный период либеральных течений и направлений, широкого распространения они не получили. Традиционализм можно считать доминирующей чертой сознания в русском обществе второй четверти XIX в.

Попытка реконструкции мировоззрения военных середины XIX в. позволяет судить о причинах массового героизма русских солдат и офи-

церов в ходе Крымской войны. Мировоззрение солдат и офицеров в целом представляло собой комплекс статичных образов и стереотипов. Образ Отечества был идеальным и обладал иммунитетом против критики, он опирался на православную веру и монархизм. Отмеченные центры тяжести обладали положительной эмоциональной нагрузкой и образовывали фундамент мировоззрения.

Патриотизм, как официальное направление правительственной политики, в войсках воспитывался в условиях жесткой дисциплины, отмеченные особенности самосознания русского общества у солдат и командиров приобрели наиболее законченное выражение. Основы мировоззрения русских военнослужащих второй четверти XIX в., представляли собой жесткую систему, свободную от каких-либо принципиально иных взглядов и идейных установок. Отмеченные черты морально-боевой подготовки в русской армии середины XIX в. свидетельствуют, что сугубо положительные моральные оценки государя, Отечества, правительственной политики не нуждались в доказательствах. Действия государя было свойственно отождествлять с национальными интересами без какого-либо критического осмысления. Казарменная дисциплина, которая вырабатывала привычку «не рассуждать», не стимулировала в солдатах стремление переосмыслить происходящее. Русские офицеры, участники Крымской войны, в равной мере не стремились к критическому осмыслению ситуации. Причинами этого выступали, с одной стороны, относительно низкий уровень образования русских офицеров, а с другой — жесткий режим субординации, понижавший все стороны их службы. Следствием преобладания традиционного мышления солдат и командиров являлась их готовность к защите Отечества и к самопожертвованию. Россия являлась точкой отсчета в картине мира, а потому вопрос о независимости, высоком политическом статусе страны — это вопрос о существовании всего, что имело нравственную ценность. Поэтому для русского солдата и офицера в равной мере не было свойственно задаваться вопросом: необходимо ли защищать Отечество в момент начала боевых действий, а тем более не свойственно подходить к этому вопросу иначе как с самоотверженностью. Эти компоненты мировоззрения имели характер постулатов и не нуждались в доказательствах.

Очевидно, что комплекс мировоззрения русских военнослужащих середины XIX в. заключал в себе представления, наиболее благоприятные для защиты Отечества. Об этом свидетельствует массовый героизм русских солдат и командиров, отмеченный всеми участниками Севастопольской обороны. В правление императора Николая I русская армия отличалась единством, высоким уровнем морально-боевых качеств. В 30-х — 40-х гг. XIX в. официальная идеологическая установка базировалась на победных традициях наполеоновских войн. В силу этого, проводимые преобразования имели явно консервативный характер и преследовали цель упрочить существующее положение. Хотя в большинстве сражений и кампаний наполеоновских войн русская армия уступала противнику, руководство страны сделало все необходимое, чтобы сохранить военные

силы в том виде, в котором они сформировались к началу XIX в. Военные реформы Николая I можно считать продуманными и грамотно осуществленными, так как они соответствовали интересам правящих кругов страны. Но в силу ошибочно выбранной цели они служили усовершенствованию прежней военной системы, а не переходу к новой, более прогрессивной, в то время как в государствах Западной Европы произошел переход на качественно новый уровень организации вооруженных сил. Сокрушение Наполеона принесло единовременную славу, долговременное «головокружение от успехов» и, как следствие, совершенно неожиданное поражение в Крымской войне.

Принимая во внимание высокий уровень стойкости и героизма русских войск в ходе Крымской войны, можно отметить, что деятельность руководства страны по воспитанию солдат и офицеров во второй четверти XIX в. являлась относительно результативной. Впрочем, нельзя не отметить, что ее результаты имели ряд негативных сторон. Следствием преобладания традиционного, шаблонного образа мышления, привычки «не рассуждать» явились неспособность солдат и командиров реагировать на быстрое изменение обстановки. Офицеры и нижние чины на поле боя нередко проявляли растерянность, неумение действовать оперативно.

Трудно не согласиться с тем, что во второй четверти XIX в. в отдельных отраслях развития военного дела Россия смогла опередить противников. В частности, в период Крымской войны русскими были впервые использованы минные заграждения на Балтийском море, которые не позволили флоту союзников по антирусской коалиции взять под свой контроль балтийское побережье России. В ходе обороны Севастополя имели место первые случаи использования электричества в военных целях. Врач Н.И. Пирогов, принимавший активное участие в войне 1853—1856 гг., на основе собственных исследований заложил основы нового для своего времени направления медицины — военно-полевой хирургии. Однако названные достижения не смогли существенным образом повлиять на итоги войны. Относительная слабость промышленной инфраструктуры, неразвитость систем коммуникаций не позволяли военному руководству России оперативно внедрять научные достижения в широких масштабах. Армия и особенно флот противника, в которых в несравненно большей степени были распространены наиболее современные образцы оружия, обладали заметным материально-техническим превосходством над русскими, что и позволило им одержать победу.

Наблюдение над вооруженными конфликтами, в которых принимала участие Россия на протяжении XIX—XX вв. с точки зрения поиска общих, универсальных закономерностей позволяет отметить некоторые тенденции. В отмеченный период войны все чаще представляли собой столкновение цивилизаций, различающихся либо по конфессиональному признаку (например, христианской и исламской), либо по индустриальному признаку (например, индустриальной и доиндустриальной). При этом агрессор, вторгаясь на вражескую территорию, в отношениях с противником исходил из такой установки, как: цивилизация это мы, народу, подвергшемуся аг-

рессии, следует перенимать нашу, более высокую культуру. Ответной реакцией, как правило, являлась готовность народа, подвергнувшегося агрессии, и его армии отстаивать собственные традиционные ценности ценой высшего самопожертвования. Именно высокая степень готовности солдат и командиров к самопожертвованию, при защите традиционных ценностей явившаяся следствием преобладания традиционного образа мышления, представляет собой наиболее характерную черту массового героизма русских войск в войне 1853—1856 гг.

- ¹ *Сатин А.Д.* Из записок черноморского офицера // *Русский вестник*. 1875. № 1. С. 144.
- ² *Орда А.П.* Письмо севастопольца // *Русская старина*. 1893. № 12. С. 613-614.
- ³ *Глебов П.Н.* Записки // *Русская старина*. 1905. № 1. С. 100.
- ⁴ [*Лесли П.И.*] Письма отставного флота капитан-лейтенанта П.И.Лесли // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. (Далее: *Сборн. рукописей...*). СПб., 1872-1873. Т. II. С. 424.
- ⁵ *Глебов П.Н.* Записки // *Рус. старина*. 1905. № 4. С. 539.
- ⁶ Воспоминания севастопольца с 1854 по 1856 год // *Сборн. рукописей...* Т. II. С. 17.
- ⁷ [*Корженевский Е.Р.*] Воспоминания о Севастополе Евгения Романовича Корженевского // Там же. Т. III. С. 32-33.
- ⁸ [*Зубарев В.*] Воспоминания о Севастополе бывшего командира первой карабинерной роты Алексопольского егерского полка // Там же. Т. II. С. 439.
- ⁹ [*Лесли П.И.*] Указ. соч. С. 306.
- ¹⁰ [*Розин А.*] Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А.Розина // *Сборн. рукописей...* Т. II. С. 230.
- ¹¹ [*Ган А.*] Воспоминания брянца из боевой жизни под Севастополем Александра Гана // *Сборн. рукописей...* Т. III. С. 277.
- ¹² Цит. по: *Герцен А.И.* Соч. в 30-ти томах. Т. IX. С. 136.
- ¹³ *Стулли Ф.И.* Из эпохи Крымской войны // *Вестник Европы*. 1876. № 8. С. 434.
- ¹⁴ [*Лесли П.И.*] Указ. соч. С. 308.
- ¹⁵ [*Зубарев В.*] Указ. соч. С. 455.
- ¹⁶ *Абакумов Ф.И.* Взятие парохода «Тигр» (1854) // *Русская старина*. 1891. № 11. С. 487.
- ¹⁷ Князь А.С.Меншиков — главнокомандующий русской армии. (Примеч. авт.)
- ¹⁸ [*Семякин К.Р.*] Выписки из писем покойного генерала от инфантерии Константина Романовича Семякина к его покойной супруге // *Сборн. рукописей...* Т. III. С. 115.
- ¹⁹ [*Чаплинский Г.*] Указ. соч. С. 165-166.
- ²⁰ См.: Из походных воспоминаний о Крымской войне // *Русский архив*. 1870. № 11.
- ²¹ *Стулли Ф.И.* Указ. соч. С. 454.
- ²² Впечатления военного врача в Крымскую кампанию // *Русский вестн.* 1873. № 7. С. 293.
- ²³ Там же. С. 282.
- ²⁴ См.: Там же. С. 264-265.
- ²⁵ [*Бейтнер В.*] Указ. соч. С. 281.
- ²⁶ Из дневника одного из участвовавших в обороне Севастополя в войну 1853-54 годов // *Сборн. рукописей...* Т. III. С. 420.
- ²⁷ *Глебов П.Н.* Указ. соч. // *Русская старина*. 1905. № 2. С. 268.
- ²⁸ Там же. № 3. С. 456.
- ²⁹ Там же. № 1. С. 99.